

Перелом

И. Грекова

ПЕРЕЛОМ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4(2Рос=Рус)
Г80

Грекова, И.

Г80 Перелом / И. Грекова. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 212 с.

ISBN 978-5-521-74421-3

Роман И. Грековой «Перелом» о том, что иногда надо остановиться, перевести дух и попробовать «другую жизнь». Тем более, когда судьба сама предоставляет этот шанс. Одинокая женщина-врач – сильная, амбициозная, самостоятельная – ломает ногу и вынужденно переезжает в квартиру своего коллеги. Дружба постепенно перерастает в брак: скорее по справедливости, а не по любви. Но так ли это, когда человеческие отношения и обретение счастья становятся важнее успешной карьеры и мнения окружающих.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4(2Рос=Рус)
BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74421-3

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018
© Текст. И. Грекова, наследники, 2018

Для чего мне эти записки? Сама не знаю. Что-то вроде конспекта прожитой жизни, с ее перепадами, переходами из одного этапа в другой, из состояния — в состояние. В общепринятом, житейском смысле слова я еще не стара, но кажется, что жила долго-долго. Что за плечами у меня не одна жизнь, а несколько.

Опять я где-то на переломе. Кончился один этап, начинается другой. Еле-еле брезжит, едва карабкается. Мне надо поговорить с собой, поспорить, даже поссориться. Так или иначе себя осмыслить.

«Опять ваша драгоценная персона!» — сказал бы он. И был бы прав. Но это «я» доминировало во мне слишком долго, чтобы вот так, сразу, от него избавиться. Да и нужно ли это? Какие-то элементы «я», пожалуй, стоит сохранить. Чтобы окончательно не впасть в безличность. Не выродиться в прямую линию. Колебания — это жизнь. Кончатся они — не будет и жизни.

В памяти разные слои, разные жизни все время скользят друг по другу. Как, бывает, скользят облака, слой по слою, в пасмурную погоду. Какое ближе, какое дальше — не поймешь. Пусть будут мысли, как те облака, — без всякой организованности. Пишу своим профессионально неразборчивым почерком врача, каким пишутся рецепты, справки, направления. Кто бы ни занимался моими бумагами после моей смерти — не прочтет. Но смерть, уверена, еще не скоро: я на нее не имею права.

В таких, для одной себя, записках не обязательны ни логика, ни последовательность. Можно противоре-

читать самой себе, как и в жизни на каждом шагу мы себе противоречим. Не буду стараться быть умнее самой себя. Это еще никому не удавалось.

Что такое «ум»? Скорее всего способность видеть **сквозь** явления. Понимать не внешние, а внутренние их связи и причины. Такой способности у меня никогда не было. Часто спрашивала себя, почему в жизни случилось именно так, а не иначе? Мучилась, но ответа не находила. Не умна.

Есть нечто большее ума — мудрость. Мудры бывают старики и дети. Мудр голубь, клюющий крошку на тротуаре за моим окном. Мудры по-своему и деревья, растущие косо, параллельно друг другу, на моей улице. Может быть, когда-нибудь, в глубокой старости, снизойдет на меня мудрость. Но вряд ли. Сегодняшние старики редко бывают мудрыми. Большинство суетится до самой смерти.

Познать самого себя — кому это удалось? И не тщетны ли мои попытки познать себя хоть отчасти в этом с собой разговоре? Не знаю. Стать настоящим человеком мне, пожалуй, уже не удастся. Но за оставшуюся жизнь, сколько бы ее ни осталось, я могу (и, надеюсь, смогу) измениться. Даю слово себе и его памяти, что сделаю все, чтобы измениться.

Настоящее, прошлое, позапрошрое, позапозапрошрое. Будущее ближайшее. Отдаленное. Наш язык не различает таких тонкостей. Есть языки, где множество различных времен. Меня они все равно не спасли бы от путаницы. Все мои мысли о прошлом, позапрошлом и так далее — только для будущего. Пока человек

жив — у него есть будущее.

И не только пока жив. Его нет, но он существует. Это я повторяю как заклинание.

Пишу и все время одергиваю себя: не слишком ли красиво выражаюсь? А ведь иногда без этого не обойтись. Принято различать красоту и красоту. Думаю, что не всегда это правильно. «Жизнь уносила меня, как река» — что это, красота или красота? Ни то, ни другое. Просто верно.

В сходных обстоятельствах люди испытывают сходные чувства и выражают их сходными словами. Не буду от этого удерживаться.

Мысли бегут, как те самые облака при сильном ветре. Стоит усилия их останавливать. Постой, говорю я себе, не торопись, не кидайся. Поразмышляй.

Может быть, эти записки — способ замедлить мысли. Пишем ведь мы медленнее, чем думаем.

1

Надо же с чего-то начать? Упорно возникает в памяти утро того дня, когда впервые увидела Люсю Шилову. Счастливого дня.

Я вообще в том слое жизни была не то чтобы счастлива, но довольна. Главное — свободна. Борис отболел, отпал, как корка на неглубоком порезе. Работа шла успешно. Не так давно главврач больницы (мы его зовем просто Главный) специально отмечал на собрании отличную работу заведующей вторым терапевтическим отделением Киры Петровны Реутовой (это я).

Специальность свою, терапию, любила без памяти. Царство загадок. Это тебе не хирургия: разрезал — и видишь. Человек не прозрачен, несмотря на все рентгены и новейшие средства — ультразвук, томографию. Поступает больная, жалуется: болит живот. Как болит, в каком месте? Показывает: тут ноет, сюда отдает, а здесь как будто подпирает. Поди угадай, что с ней. То ли язва, то ли аппендицит, а может, внематочная беременность? Или что-то еще непредвиденное, к животу прямо не относящееся, скажем, инфаркт? Бывает и это.

Во всех таких возможностях надо разобраться. Отбросить неподходящие, выделить самые вероятные. Выбрать, наконец, одну версию, поставить диагноз, назначить лечение. Взять в руки судьбу человека.

В больнице меня считали неплохим диагностом, и, пожалуй, справедливо. Интуиция, опыт, а то и просто везение. Главное — опыт. Сколько могут сказать опытному врачу такие, скажем, признаки, как выражение глаз больного, оттенок кожи, движение руки, прикоснувшейся к одеялу характерным жестом? Когда я имею дело с больным, тут же незримо присутствует целый ряд других, с которыми я встречалась раньше.

Последнее время много толкуют о машинной диагностике. Не знаю: возможно, какой-то смысл в ней и есть, особенно для врача начинающего, неопытного. Кое-что машина может ему подсказать. Именно подсказать, намекнуть. Но окончательный диагноз, лечение — все это берет на себя живой человек, врач. Только он может взять на себя ответственность за неудачу.

Вспоминаю курьез: на каком-то научном заседании обсуждалась разница между машиной и человеком (вопрос был тогда модным). И кто-то сказал в шутку: «Разница в том, что человека можно посадить, а машину — нет». Шутка шуткой, а какая-то правда в этом есть. Человек ответствен за свое решение, машина — нет.

И еще: огромную роль в успехе или неуспехе врачевания играет общение, личный контакт человека с человеком, врача с больным. Сумел понравиться ему, завоевать доверие — добрая доля успеха обеспечена.

Обо всем этом думала я (или вспоминается, что думала), идя на работу в тот обычный счастливый день.

Почему счастливый? С утра узнала, что Максимова — самая тяжелая больная в отделении, инфарктница, мать троих детей, как будто (тьфу-тьфу!) выкарабкивается. Дежурила при ней три ночи подряд. Искусственное дыхание, массаж сердца... Удалось-таки спасти! Почти не держась на ногах от усталости, — домой, спать... Дежурной сестре: «Любочка, я пойду. Если что, сразу звоните». — «Хорошо, Кира Петровна».

До чего же хороша она, любимая моя помощница! Нежно-розовые щеки, голубые глаза, невинные, как вода. Белокурые завитки на шее. Крахмальный колпачок не на голове, а как бы при ней, невзначай присел. Люблю это медицинское щегольство. Старательна, точна, добросовестна. Будет из девочки толк, если не избалуется. При такой внешности избаловаться легко.

Ночью звонка не было. Всласть выспалась, как легла, так и провалилась. Сон — ватный, глухой, какой бывает только после нескольких ночей бессонных. По та-

кому сну будильник бьет тревогу, что-то случилось. Сразу к телефону, звоню в отделение: «Любочка, как Максимова?» Ясный, веселый голос: «Ничего, спит. Ночь прошла спокойно. Кажется, на лад идет дело».

«На лад, на лад, на лад!» — скрипели по снегу сапожки. Новые, первый раз надела. Легкие, как перышко. Импортные, на высоком каблуке, с золоченой цепочкой. Нелегко такие достать. Помогла бывшая пациентка, спасибо ей. Вообще-то я не модница, но сапожки меня радуют. Все-таки я женщина, хотя и потесненная врачом.

Раннее, розовое зимнее утро. Розовый свет на красноватых, со смуглотой, древних кирпичных башнях. Кажется, свет зари поднимает их вверх.

Ну до чего же люблю свой город, свою родную «провинцию»! Не из больших, не из нарядных, не в чести у туристов, но бережно хранящий свою старину, свое лицо, красиво тронутое временем. Не портят его и следы войны пробоины в стенах и башнях, заделанные кирпичом другого цвета. Как рубцы на лице ветерана, — заметно, но почетно. До чего же вольно раскинулся он по своим холмам, у слияния рек — большой и средней...

Остановилась полюбоваться. Отсюда, сверху, хорошо видны обе реки, замерзшие основательно, до весны. Лед неровный, торосистый, с черными промоинами — над ними курится пар. На той стороне, в отдалении, фабричные трубы вертикальными столбиками, каждая со спичку величиной. Дымят желтым, серым, розовым. Все это вместе красиво до боли душевной...